
ПЕРЕВОДЫ

Александр Гугнин
(г. Новополоцк, Белоруссия)

ГЕРМАН ГЕССЕ
(Перевел с немецкого — Александр Гугнин)

Гугнин Александр Александрович родился в 1941 в Москве. Окончил филологический факультет МГУ, аспирантуру. С 1999 профессор. Автор свыше 500 научных и литературно-критических публикаций по немецкой, швейцарской, серболужицкой и другим литературам. Издал более 10-ти книг, из них — три сборника поэзии. Заведующий кафедрой мировой литературы и культурологии УО «Полоцкий государственный университет». Ответственный редактор литературоведческих сборников и журналов: «Проблемы истории литературы», «Белорусская литература и мировой литературный процесс», «Вестник ПГУ». Член Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь». Живет в Новополоцке.

ШВАРЦВАЛЬД

Красота холмов пологих,
Темных гор, лугов альпийских,
Красных скал, ущелий строгих,
Скрытых тенью елей низких!

Но когда гудит в них ветер,
В звон мешаясь колокольный,
То дороже звуков этих
Нет, пожалуй, в мире вольном.

И тогда, как в саге давней,
Что читал я у камина,
Вдруг меня уносит память
В детство по дороге длинной.

И я вижу: чище, мягче
Были в детстве эти дали,

И светлее, и богаче
Горы елями сверкали.

ПЕСНИ

Всего лишь несколько песен
Я в жизни своей создал,
Пою их в ночи у фонтана
В обществе юных дам.

Первая песнь о счастье,
О юности без конца,
Когда не страшны напасти
И к вечности рвутся сердца.

Вторая песнь о теплых,
Ласковых летних ночах,
О женщинах прекрасных,
Дающих любовь и печаль.

Третью песнь под скрипку
Пою я всегда и везде —
О цыганской тоске по дому,
Которого нет нигде.

ВЕЧЕРНИЕ ОБЛАКА

Кому-то кажется порой,
Что тешится поэт игрой,
И коль бесцельна та игра,
То прекратить ее пора.

Но оглянись на Божий свет,
Поймешь, что сам Господь — Поэт,
И вечером, под тихий звон,
Задумчиво играет он:
Вдруг облаков запустит ряд, —
Как птички легкие парят,
Расправив крылья золотые,
И, рдея, тают, как живые.
Но коль понравится одно,
То долго будет плыть оно,
Хранимое Его рукой,
Неся блаженство и покой.
И что казалось пустяком,
Бесцельной рифмой и игрой,
Пронзает душу глубоко
Святой, божественной тоской.
Творец доволен — удалась
Забава легкая ему,

На Землю опускает тьму
И обрывает красок связь.
Но только ни один поэт
Не может так легко играть,
Неся красу и благодать
И разливая дивный свет.

Ну что ж, пусть рифмы перезвон
Напомнит нам вечерний звон
И высь, где, с виду столь простые,
Несутся тучки золотые.

КОНЕЦ ЛЕТА

Весь вечер стонет под окном
Уныло дождик монотонный —
Больной ребенок перед сном
Так всхлипывает обреченно.

От праздников своих устав, —
От них осталось только эхо —
С печалью лето на устах —
Природе в слякоть не до смеха...

И наша пылкая любовь
Была цветком в букете летнем,
Но лето кончилось, и вновь
В осеннем видится все свете.

Чтоб стыд и горечь не толочь
Пред очагом, уже остывшим,
Отдай другому эту ночь
И пусть рассудит нас Всевышний.

МИЛЫЕ БОЛИ

Боли, милые сестрицы,
Не Господь ли дал вас людям?
Но никто-то вас не любит.
Так давайте породнимся!

Я когда-то, вас чураясь,
В мир раздольный гордо вышел,
Был обманут и обижен,
Нищим в дом я возвращаюсь.

Боли, милые, простите,
Что без вас прожить стремился —
С вами я теперь сроднился,
Вы со мной теперь живите!

Кровь мою преображая,
По моим стремитесь жилам —
Ведь в кругу сестричек милых
Глубже жизнь я ощущаю.

ПЕСНЯ НА ПРОСЕЛОЧНОЙ ДОРОГЕ

В Париже мастер славный жил,
Элизой дочку звали,
И подмастерье с ней дружил,
Хотя любил едва ли.

«Элиза,— парень говорит,—
Сегодня день весенний,
Пойдем-ка в лес, там соловьи
Поют до одуренья!»

Недолго пели соловьи,
Наш подмастерье скрылся.
А мастер долго вслед ему
Что было сил бранился.

Элиза тоже прокляла,
Кого, сказать не смею,
Когда же дочку родила,
Назвали Соломеей.

Мать говорит ей: «Дочка, ты
Блюди мои заветы:
Весной не слушай соловьев,
Запомни — вредно это!»

Наталья Иванова
(г. Гомель, Белоруссия)

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР
Сонеты в переводе Натальи Ивановой

Наталья Иванова родилась в 1968 году в городе Гомеле. Филолог, социальный педагог. Поэзия, экожурналистика, переводы с французского и белорусского языков. Председатель Гомельского отделения ОО «Беллитсоюз «Полоцкая ветвь». Член Международного союза писателей и мастеров искусств. Работает методистом ГУО «Гомельский областной институт развития образования». Автор книг поэзии «Диалоги со временем», «Мистерия весны». Участник полутора десятков коллективных сборников поэзии, альманахов и антологий Беларуси, России и Украины. Публиковалась со стихами, переводами и литературной критикой, литературоведческими статьями в городских, областных и республиканских газетах, журналах «Неман», «Новая Немига литературная», «Мир животных», «Эколог и Я». Как лауреат награждена дипломами региональных, республиканских и международных литературных конкурсов.

7

Лишь юное светило на востоке
Явленьем осчастливит небеса,
В молитвенном и трепетном восторге
К нему стремятся жадные глаза.

А солнце поднимается к зениту,
Красавец лучезарный в цвете лет;
По-прежнему сердца ему открыты,
И, кажется, конца триумфу нет.

Когда же на убогой колеснице,
Как старец — в землю, солнце канет в ночь,
Брезгливо опускаются ресницы,
Предатели-глаза стремятся прочь.

В сиянье полдня помни о кончине
И о надежде старости — о сыне.

23

Актер бездарный, в страхе леденящем
Забывший на подмостках роль свою,

Иль чудище, чей яд, в глуби кипящий,
И внутренности жжет, и чешую —

Так, оробев, я напрочь забываю
Мудреный кургуазный ритуал,
И, кажется, любовь ослабевает:
Испепелил себя страстей накал.

Пусть взоры — сердца пылкого предтечи —
Займут места пустопорожних слов,
В них — о любви молитвенные речи
И нежности неизреченный зов.

Имеет свой язык любовь немая —
Глазами слушай, мудрости внимая.

48

Как я заботился, собираясь в путь,
Все безделушки спрятать под запор,
Чтоб не посмел преступно посягнуть
На собственность неуловимый вор!

Ты, рядом с кем сокровища суть прах,
Ты, утешение мое и боль,
Ты, потерять кого — великий страх,
На воровской ты брошен произвол.

Тебя не запер ни в какой ларец,
Храню, где ты и есть, и нет: в груди;
То милый гость, то дерзостный беглец...
Глас ревности немолчно мне твердит:

«И честность позабудет про закон,
Увидев драгоценный эталон».

51

Оправдана медлительность коня
Моею всепрощающей любовью:
Вдаль от тебя уносит он меня,
Поэтому ему не прекословлю.

Когда ж настанет возвращенья час,
И скорость вихря будет — промедленье;
Я ураган пришпорил бы не раз
В лишающем рассудка устремленье.

И не поспеет никакой скакун
Настигнуть страсти жгучее желанье,

Неистойей, чем огненный табун.
Любовь коню находит оправданье:

Он мне помог в горчайшей из годин —
Его оставлю и вернусь один.

55

Ни мрамору, ни монументов тверди
Моих могучих строк не пережить,
Но, вопреки и времени, и смерти,
Ты будешь ярче пыльных глыб светить.

Когда опустошительные боины
Дома и статуи повергнут в прах,
Не вытравят ни Марса меч, ни войны
Живую память о тебе в стихах.

Иди вперед, не испугавшись тленья —
Тебе откроют очи и сердца
Грядущие века и поколения!
Хвала тебе до Судного конца!

Пока ты не восстал средь пробужденных,
Живи в стихах, пребудь в глазах влюбленных.

60

Как волны к берегу мчат исступленно,
Так и минуты, чей размерен ход,
К концу нас приближают неуклонно,
Упорной чередой стремясь вперед.

Ползком младенец движется к расцвету,
Но, лишь раскрылся зрелости венец,
Серпы затмений угрожают свету
И время уж не сеятель, а жнец.

Все подлинное пожирая жадно,
Пронзает время юности цветы
И все крушит косою беспощадно,
И бороздит чело у красоты.

Но все ж грядущих дней достигнет стих
О красоте и доблестях твоих.

65

Раз бронза, камень, море, твердь земная —
Все сущее в прискорбной власти тлена,

Как прелести цветка, не увядая,
Стихию поборов, быть неизменной?

О, как медовому дыханью лета
Жестоких дней преодолеть осаду,
Когда и сталь ворот, и самоцветы —
Все сокрушает Время без пощады?

Пугают размышленья эти. Время,
От гроба своего алмаз где скроешь?
Кто облегчит утрат и смерти бремя
И свергнет иго мощною рукою?

Лишь магия чернил мою любовь
Наполнит вечным светом вечных слов.

127

Не уважали раньше черный цвет,
Ззорным было траур воспевать;
У красоты детей законных нет:
Клеймили чернотой бастардов мать.

С тех пор, как маску фальши носит сброд,
Природу лицемерно губит рок,
Краса, про имя позабыв и род,
Тьму скверны возлюбила и порок.

Любимой брови — ворона крыло,
Очей полночный траур им под стать
По девам, что без золота волос
Красы стяжали и венец, и стать.

Но так идет им эта чернота,
Что скажет всякий: «Мрак есть красота».

